

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

А.С. СКОРОХОДОВА

ВАНДАЛИЗМ

Вандализм – одна из форм разрушительного поведения человека. В последние годы это явление обсуждается в российской печати, опубликовано несколько научных работ, посвященных отдельным проявлениям вандализма [1-4]. В статье будут рассмотрены понятие вандализма, степень распространенности и социальные последствия разрушений, социально-психологические характеристики лиц, склонных к разрушениям, мотивы их действий, основные теории вандализма, а также способы его предотвращения и контроля.

Слово “вандализм” произошло от названия древнегерманского племени вандалов, разграбивших в 455 г. Рим и уничтоживших многие памятники античной и христианской культуры. Вандалы отличались особой жестокостью, они не только разрушали святыни и храмы, но старались сделать это особенно унижительным образом [5]. Изобретение термина приписывают члену конвенции Генеральных Штатов аббату Грегуару [6, 7]. В 1794 г. он выступил с “Докладом о разрушениях, творимых вандализмом, и средствах их предотвращения”, призывая самым суровым образом пресекать уничтожение памятников искусства. В XIX в. слово “вандализм” вошло в литературный обиход как обозначение разрушения или порчи произведений искусства и памятников архитектуры. Так, в 1846 г. появилась книга графа де Монталамбера, в которой автор осуждал разрушение католических церквей [8].

Большая советская энциклопедия определяет вандализм как «бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей» [9]. Сходные толкования дают и другие современные отечественные справочники и словари [10-12], акцентируя внимание на иррациональности поведения разрушителя, а также на наносимом ущербе. В. Даль обращает внимание на несоот-

---

Скорородова Анастасия Сергеевна – научный сотрудник Социологического института РАН. Адрес: 198005 Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская улица, 25/14. Телефон: (812) 316-75-68. Факс: (812) 316-29-29. Электронная почта: inso@ego.spb.su

ветствие этого действия моральным нормам, определяя его как "поступок грубый, противный просвещению, образованности" [13]. Французский энциклопедический словарь «Лярусс» выделяет такой аспект, как «состояние духа, заставляющее разрушать красивые вещи, в частности, произведения искусства» [14, р. 664]. В современном англоязычном источнике обращается внимание на правовой аспект вандализма: "Вандализм – тот, кто намеренно или вследствие невежества разрушает собственность, принадлежащую другому лицу или обществу" [15, р. 762]. В таком смысле понятие вандализма стало распространяться на повседневные проявления хулиганства. Оно стало обозначать порчу общественной, частной, коммунальной собственности, поломки оборудования в учебных заведениях, на транспорте, нанесение рисунков и надписей на стены и т.п.

В российском Уголовном кодексе до 1996 г. такой состав преступления не предусматривался. В новом Уголовном кодексе данное преступление определяется как "осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах" [16, с. 485]. Следует заметить, что юридические определения вандализма в разных странах не совпадают [17]. Кроме того, действия, связанные с разрушением чужого имущества, циничные поступки в отношении святынь и т.п. могут иметь различную юридическую квалификацию. УК РФ содержит несколько статей, связанных с уничтожением или порчей материальных и культурных ценностей и имущества. Помимо «вандализма» это "хулиганство", "надругательство над могилой", "умышленное уничтожение, разрушение или повреждение памятников истории и культуры", "умышленное уничтожение или повреждение имущества". Юридическое определение вандализма принято и в криминологических исследованиях [18].

Обращаясь к социально-психологическим и социологическим исследованиям, мы обнаруживаем гораздо более широкое толкование этого феномена [19]. Говоря о вандализме, исследователи подразумевают разнообразные виды разрушительного поведения: от замусоривания парка и вытаптывания газонов до разгромов магазинов во время массовых беспорядков. Трудность в выработке определения состоит также в том, что индивидуальные, групповые и социальные нормы в понимании того, какие именно разрушения имеют деструктивный для общества характер, не совпадают. С. Коэн справедливо пишет: "Мы приходим к неприятному признанию того, что вандализм не является ни точной характеристикой поведения, ни узнаваемой правовой категорией, это ярлык, применяемый к определенным типам поведения при определенных условиях" [20, р. 23]. Некоторые виды разрушений в обществе "нормализованы", институционализированы. Коэн перечисляет следующие обстоятельства, при которых разрушения рассматриваются обществом как допустимое или терпимое поведение. Это ритуализм, общественная лояльность по отношению к действиям некоторых социальных групп, игра, привычность [20].

Несмотря на неизбежные затруднения, все-таки можно выделить основные сущностные элементы вандализма. Так, А. Голдштейн выделяет намеренность, деструктивность и право собственности на разрушенный объект. Исходя из этого, он дает определение: "Вандализм – это намеренный акт

разрушения или порчи чужой собственности” [19, р. 36]. Именно преднамеренность разрушения создает главные трудности и разночтения в применении этого понятия. Многие виды ущерба окружающей среде и оборудованию наносятся не столько из-за осознанного желания разрушить, сколько вследствие невнимательности, отсутствия заботы и аккуратности, соображений личного удобства. К числу таких действий относится вытаптывание газонов, замусоривание улиц, грубое обращение с телефонными автоматами и т.п. Отличительной чертой этих поступков является то, что люди не осознают последствий своего поведения, и, следовательно, не ощущают ответственности за них. На практике провести различие между намеренными и ненамеренными разрушениями довольно сложно, так как они имеют одинаковый результат – материальный ущерб и деградацию окружающей среды, а часто и ощутимый моральный вред другим людям. Некоторые исследователи считают описанные виды поведения формой вандализма. Например, Уайз дает такое определение: “Если кто-то изменяет часть физической среды без согласия на то ее собственника или управляющего, то это вандализм” [21, р. 31]. Уайз различает “предумышленный” и “случайный” вандализм. Последний представляет собой повреждения из-за использования не по назначению, любопытства, озорства и несовпадения планов проектировщика и желаний пользователя. Другие авторы применяют понятие “разрушающее поведение” (depreciative behavior) [22]. Фактически, во многих эмпирических исследованиях намеренные и ненамеренные разрушения не различаются.

Масштабы вандализма в обществе и социальные последствия

Количественные оценки этой социальной проблемы затрудняются из-за ряда обстоятельств. Прежде всего, во всем мире случаи вандализма не полностью учитываются статистикой. Люди, чье имущество пострадало от разрушений, обычно не склонны обращаться в полицию. Даже в странах с развитой системой социальной статистики не существует учета многих форм вандализма, например, в школах. В России такой учет вообще не ведется. Уголовное преследование за вандализм введено недавно, и юридическая практика применения наказания заданное преступление еще не разработана. Кроме того, трудности возникают и в связи с отсутствием однозначного определения вандализма.

Распространенность и финансовый ущерб. В США за вандализм ежегодно арестовывается около 200 тыс. человек (и 15 тыс. за поджоги [23]). По данным обследования 899 домохозяйств в сельской местности штата Огайо, за год 15,5% хозяйств испытали хотя бы один случай вандализма, более 40% пострадали 2 раза и более. Наиболее частые виды вандализма: разрушения или порча почтовых ящиков молотком или битой; наезд на газоны и посевы; битье стекол домов, гаражей, сараев; пачканье машин краской; порча заборов и фонарей [24]. В Канаде 37% жителей Торонто и 56% жителей пригородов выделяют вандализм как значимую проблему в местах своего проживания [25]. По данным опросов канадских школьников, до 85-92% из них признают за собой совершение разрушений (учитывались и мелкие, такие, как вырезание инициалов на партах) [25].

Оценки латентности вандализма колеблются от 14-15 раз [19] до 30 [17]. В Канаде, например, 65 из 100 пострадавших от вандализма не сообщают в полицию об ущербе [25]. Многие исследователи констатируют, что за последние десятилетия в Европе и Америке происходит рост числа различных проявлений вандализма [18, 19, 26, 27].

Финансовый ущерб от вандализма огромен. Хаубер сообщает, что ежедневные материальные потери от вандализма в Нидерландах составляют 4 млн. долларов [18]. В 1991 г. убытки Лондонского метро от вандализма составили 20 млн. долларов, французских национальных железных дорог – 14 млн. долларов. В последние десятилетия увеличился ущерб от граффити. По данным американских исследователей, в 1970 г. ущерб, связанный с устранением рисунков и надписей на станциях и в вагонах метро Нью-Йорка, оценивался в 250 тыс. долларов, в 1974 г. – 2 млн. долларов [28]. В 1989 г. округ Лос-Анджелес, города Нью-Йорк и Сан-Франциско потратили на борьбу с этим явлением соответственно 50, 55 и 2 млн. долларов [29]. Согласно Голдштейну, общий ущерб от вандализма в США превышает 1 миллиард долларов. Убытки от вандализма только в американских школах составили в 1969 г. – 100 млн. долларов, а в 1990 г. – 600 млн. долларов [19].

В России социальная нестабильность сопровождается увеличением различных форм хулиганства и вандализма. Только в Санкт-Петербурге в 1991 г. убытки из-за регулярных поломок и хищений уличных таксофонов возросли в 4 раза по сравнению с 1989 г. [30]. На Московской железной дороге за один только 1992 г. было похищено 12 360 мягких сидений, повреждено 73 800 диванов, с сидений снято 251 тыс. кв. метров обшивки, разбито 49 800 кв. метров стекла [31]. По некоторым оценкам, в Санкт-Петербурге 30% затрат на ремонт в жилищно-коммунальной сфере приходится на ликвидацию последствий вандализма. Зачастую единичные разрушения незначительны, но, накапливаясь, они приводят к заметному ущербу. Учет косвенных финансовых убытков еще больше увеличит оценки ущерба.

Социальные последствия. Разрушения и поломки существенно меняют воздействие городской среды на эмоциональное состояние личности. Известно, что некоторые характеристики окружающей среды ассоциируются у людей с опасностью и нестабильностью. Разбитые стекла, грубые надписи и рисунки, поврежденные телефоны, мусор и т.п. воспринимаются как симптом социальной деградации, признак ослабления социального контроля, что порождает беспокойство, чувство страха и уязвимости. Ощущения беспорядка и упадка, в свою очередь, провоцируют дальнейшие деструктивные действия, увеличивают вероятность новых разрушений. Некоторые исследователи высказывают предположение, что деградация среды меняет идентификацию личности, создавая ассоциации с низким социальным статусом [32]. Люди, чье имущество подверглось разрушениям со стороны вандалов, испытывают повышенный страх оказаться жертвой насильственных преступлений [24]. Добавим, что у жертв возникает также желание отомстить и усиливается подозрительность и враждебность по отношению к молодежи в целом. Некоторые виды вандализма (например, порча культурных символов, надписи, содержащие агрессивные высказывания в адрес отдельных национальных групп) могут провоцировать социальные конфликты.

данным Д. Эллиота, 53% вандалов совершили по меньшей мере 3 правонарушения из разряда более тяжелых [39]. Л. Шэннон провел ретроспективный анализ подросткового вандализма в преступной карьере. По данным его исследования, те, кто задерживался полицией за вандализм в возрасте от 6 до 17 лет, к 21 году имели более серьезную преступную карьеру [41].

В общественном сознании существует определенный стереотип подростка-вандала. Разрушитель предстает примитивным существом с отклонениями в умственном и психическом развитии. Эти характеристики ассоциируются с низким социальным статусом семьи. Данные исследований не подтверждают этот образ. Исследования не выявили корреляции между склонностью к вандализму у подростков и их принадлежностью к определенному социальному классу, расой, национальностью [19, 34, 37, 39]. В исследовании вандализма среди старших школьников Тайгарт даже обнаружил слабую положительную корреляцию с социальным статусом [36]. По результатам лонгитюдного выборочного обследования подростков-правонарушителей, наличие эмоциональных проблем в целом не влияет на уровень вандализма [39]. В исследованиях вандализма среди школьников было обнаружено, что подростки-вандалы не отличаются по характеристикам личностной дезадаптации от остальных. В частности, они не отличались по степени оптимизма-пессимизма, уровню самоуважения [35]; их самооощение было не хуже, чем у остальных школьников [36]. Подростки-вандалы обладают примерно таким же уровнем интеллекта, как их сверстники, однако успевают в школе гораздо хуже. Именно успеваемость, в отличие от социального класса, является тем фактором, который предсказывает деликвентность подростка, в том числе и вандализм [33]. Во многих американских школах существует система, при которой учащиеся распределяются по учебным группам соответственно успеваемости. Тайгарт обнаружил, что помещение ученика в худший класс является сильным фактором стимуляции вандализма [36]. Другим важным фактором вандализма является конфликт с родителями или школьными учителями, а также наличие друзей, которые часто разрушают и ломают что-нибудь [35].

Исследование А. Хаубера, опросившего 500 подростков 12-18 лет, задержанных полицией за вандализм, показало, что большинство “злых” вандалов находятся в кризисной жизненной ситуации [18]. Для 58% из них были одновременно справедливы следующие характеристики: ими не интересуются родители, они плохо успевают в школе и их друзья также являются “трудными подростками”. Только 4% “злых” вандалов не имели ни одной из упомянутых характеристик. Подростки-вандалы более негативно относились к школе, чаще прогуливали занятия, больше предпочитали находиться вне дома, обычно вместе с друзьями. Их родители чаще не знали, где их дети проводят вечера. 96% подростков-вандалов регулярно употребляли алкоголь или различные наркотики, 48% употребляли и алкоголь, и наркотики [40]. Эмпирические исследования вандализма среди школьников показали, что успехи в школе являются фактором, снижающим вероятность вандализма среди подростков, имеющих другие неблагоприятные факторы [33, 35].

Хотя большинство задержанных за вандализм составляют подростки, было бы неверно считать вандализм исключительно подростковым явлением. Так, например, в США в 1995 г. 32% лиц, арестованных за вандализм, были старше 25 лет, среди арестованных за поджог доля лиц старше 25 лет также составляет около 32% [23]. Немецкие криминологи отмечают, что доля лиц старше 21 года среди задержанных за нанесение материального ущерба весьма значительна и составляет 48,4% [17].

Мотивы разрушительных действий

В общественном сознании вандализм часто предстает бесцельным, бессмысленным, немотивированным поведением. Выявление мотивов вандализма стало одной из главных задач социальных исследователей с момента появления первых публикаций по этой проблеме. Мы остановимся на двух мотивационных типологиях вандализма. Рассмотрим типологию С. Козна [20], наиболее часто упоминаемую в литературе. В зависимости от доминирующего мотива разрушения С. Козн выделяет шесть типов вандализма.

1. *Вандализм как способ приобретения.* Основной мотив разрушения составляет материальная выгода. Эта форма вандализма по сути является разновидностью кражи. Примеры подобных явлений легко найти в современной российской действительности. Известно, что большой вред наносится всякому оборудованию, содержащему цветные металлы. Снимаются дверные ручки, мемориальные доски, детали приборов и устройств. Широко распространена эта разновидность вандализма на кладбищах, когда крадут цветы, венки, золото надписей.

2. *Тактический вандализм.* Разрушение используется как средство для достижения других целей. Например, чтобы не допустить снижения цен, уничтожаются целые партии товара.

3. *Идеологический вандализм.* Этот вид похож на предыдущий, и их иногда объединяют. Об идеологическом вандализме говорят, когда разрушитель преследует социальные или политические цели. Объект разрушения имеет ярко выраженный символический смысл. Он может обозначать тип власти, социальные институты, какую-либо социальную или национальную группу. Социальные революции и катаклизмы обычно сопровождаются усилением этой разновидности вандализма. Разрушения памятников архитектуры во время Великой Французской революции носило антимонархический, антифеодальный и антикатолический характер [7]. Именно эти символы уничтожались особенно интенсивно. Так была разрушена Бастилия, бывшая символом королевского суда. На королевском кладбище Сен-Дени за 3 дня был уничтожен 51 памятник. Всего же за 1789-1800 гг. во Франции были разрушены 168 памятников искусства и архитектуры [7]. Хорошо известно, сколь интенсивно уничтожались символы предшествующего строя и в революционной России. Например, за период с 1917 г. разрушено 25-30 тыс. церквей и соборов, около 500 монастырей, уничтожено не менее 20 млн. икон, около 400 тыс. колоколов [42].

4. *Вандализм как мщение.* Разрушение происходит в ответ на обиду или оскорбление. Особенность этой разновидности состоит в том, что разрушение имущества представляет собой отложенный ответ на действие противной

границы допустимого, установить, насколько сильны общественные нормы и авторитет взрослых.

Эстетическое переживание. Наблюдение физического процесса разрушения создает новые визуальные структуры, сопровождается звуками, которые кажутся приятными. Более подробно этот аспект разрушения мы рассмотрим ниже.

Экзистенциальное исследование. Расшифровывая этот мотив, Кантер поясняет, что вандализм может выступать как средство самоутверждения, исследования возможности своего влияния на общество, привлечения внимания к себе. Пожалуй, наиболее древним примером акта вандализма подобного рода является поступок Герострата, который сжег храм ради личной славы. Как отмечают исследователи вандализма в искусстве, “причудливое” стремление к привлечению внимания часто является мотивом порчи крупных произведений живописи [27]. Как правило, разрушители такого типа не пытаются избежать ареста и стараются сделать из своего поступка публичное событие. Так недавно поступил российский художник А. Бренер, который вывел баллончиком с зеленой краской знак доллара на всемирно известной картине Казимира Малевича “Супрематизм. 1921-1927”, находившейся в музее современного искусства Амстердама. “Я террорист в искусстве, хотел обратить внимание на положение художников в мире и лично на себя”, – объяснил он свой поступок [45].

Теоретические подходы к изучению вандализма

Эстетическая теория

В. Оллен и Д. Гринбергер рассматривают вандализм с позиций теории возбуждения, а также экспериментальной эстетики. Эстетическая теория изучает внутренние психологические процессы, присущие самому акту разрушения. Вандализм трактуется как процесс, доставляющий удовольствие. Авторы опираются на тезис, что гедонистическая ценность стимула определяется его способностью вызывать возбуждение. Оллен и Гринбергер предположили, что удовольствие, получаемое в процессе разрушения, производится теми же самыми стимулами, которые сопровождают любые эстетические переживания [46]. Трансформация материала в новую структуру активизирует одинаковый базисный ряд психологических процессов и в творческом, и в разрушительном действии. Установлено, что степень удовольствия, в свою очередь, зависит от нескольких структурных характеристик стимула, таких как новизна, сложность, неожиданность. Визуальные стимулы, обладающие именно такими характеристиками, являются обязательными компонентами эстетики современной массовой культуры (например, фильмов-катастроф). Некоторые представители авангарда XX века демонстрировали буквальное понимание этих принципов, выставляя в качестве произведений искусства смятые машины, разбитые рояли [47]. В серии остроумных экспериментов Оллен и Гринбергер показали, что удовольствие, ожидаемое от разрушения объекта, действительно зависит от того, насколько характер разрушения удовлетворяет указанным свойствам стимула.

В первом эксперименте изучалось влияние сложности стимула на вызываемое им стремление к разрушению [48]. Испытуемым показывался фильм, демонстрирующий, как разбиваются куски стекла. Стекла были подобраны различной толщины и прочности и, разбиваясь по-разному, представляли собой объекты различной степени сложности. Испытуемых просили указать, насколько сильно им самим хотелось бы разбить каждый из экспериментальных стимулов. Было обнаружено, что предпочтение в разрушении стимула оказалось прямо связанным с оцененной сложностью структуры, которая образуется в результате его разбивания.

Во втором эксперименте изучалось воздействие неожиданности разрушения [49]. На этот раз испытуемые смотрели два фильма, изображавшие разбивание четырех кусков стекла одинаковой сложности. При этом в одном фильме все они разбивались с первого раза, а в другом четвертая стеклянная панель разбивалась только с третьего раза. Тем самым нарушались сложившиеся ожидания испытуемых. Именно эта панель была оценена как наиболее понравившаяся.

В лабораторных исследованиях подтвердилась и роль новизны стимула. Кроме экспериментов, Оллен и Гринбергер провели интервьюирование 129 молодых людей 18-20 лет: респондентов просили вспомнить реальные эпизоды разрушения каких-либо материальных объектов [46]. Особое внимание обращалось на характеристики объекта и самого процесса разрушения. Исследование показало, что удовольствие, полученное во время разрушения, положительно связано с оцененной сложностью и интересностью объекта. Оказалось, например, что стекло разрушать приятнее, чем дерево.

Эстетическая теория проясняет аффективный компонент вандализма и обнаруживает те средовые факторы, которые могут усиливать разрушительное поведение и способствовать его повторению. Авторы отмечают, что необходимы исследования воздействий различных эмоциональных состояний (фрустрации, гнева, скуки) на эстетическое переживание акта разрушения, а также прояснение влияния личностных характеристик на гедонистическую ценность вандализма [46].

Модель субъективного контроля

В другой серии исследований В. Оллен и Д. Гринбергер изучали когнитивный компонент вандализма. Они предположили, что разрушительное поведение является попыткой личности восстановить нарушенное ощущение контроля над ситуацией и средой [48]. Согласно этой концепции, индивиды, имеющие пониженный уровень субъективного контроля, прибегают к разрушению объектов физической среды для его восстановления. В серии лабораторных экспериментов Оллен и Гринбергер показали, что разрушение предметов действительно повышает у субъекта ощущение контроля над средой. Другие исследования косвенным образом подтверждают теоретическое положение данной модели. Рассматривая оставление надписей и рисунков в качестве одного из видов разрушения среды, Р. Рубек и Р. Патнаик установили на выборке студенческих общежитий одного из университетов Индии, что в общежитиях, на стенах которых обнаружено меньше граффити, знаков и объявлений, проживают индивиды, в большей степени убежденные в своей

способности контролировать среду [50]. М. Шварц и Дж. Довидио, изучая связь личностных характеристик с нанесением надписей и рисунков на стены, использовали сходную характеристику локуса контроля, то есть степень, в какой люди воспринимают свою жизнь как контролируруемую изнутри посредством собственных усилий (интерналы) или управляемую внешними силами (экстерналы). Они обнаружили, что те, кому свойственно оставлять надписи, чаще имеют экстернальный локус контроля, нежели те, кто не рисовал на стенах и партах [51]. По П. Ричардсу, школьники с ощущением меньшей самооценки несколько чаще других сообщают о разрушении школьной и внешкольной собственности [35]. Установлено, что внешние факторы, изменяющие уровень субъективного контроля, могут влиять на уровень вандализма. Исследуя уровень вандализма в студенческих общежитиях разного архитектурного типа, Р. Соммер сделал вывод о том, что там, где дизайн здания способствовал созданию у студентов ощущения визуального и личностного контроля над своей повседневной жизнью, уровень вандализма был ниже [52].

Изначально Оллен и Гринбергер полагали, что теория вандализма должна включать три компонента – аффективный, когнитивный и социальный. Аффективный компонент представляет собой гедонистическую реакцию, которая сопровождает процесс разрушения. Когнитивный компонент отражает последствия разрушения для самовосприятия личности. Важную теоретическую роль в объединении аффективного и когнитивного факторов, по мнению Оллена и Гринбергера, должен играть социальный фактор [47]. Тем не менее, как нам кажется, авторам не удалось построить единую модель, включающую упомянутые компоненты. Их работы, посвященные аффективному и когнитивному компоненту вандализма, обычно упоминаются изолированно как однофакторные теоретические модели.

Модель взаимодействия субъективной несправедливости и уровня контроля

Концепция субъективного уровня контроля Оллена-Гринбергера была значительно расширена и изменена Дж. Фишером и Р. Бэроном [53, 54]. Пожалуй, эта социально-психологическая концепция вандализма является наиболее разработанной. Она охватывает несколько уровней объяснения данного явления, учитывает социальные, личностные, групповые и средовые факторы, вызывающие различные типы разрушительного поведения. Данная модель включает и динамический аспект явления – делается попытка предсказать вероятность возникновения актов вандализма.

Бэрон и Фишер полагают, что глубинным мотивом вандализма является восстановление справедливости. Источниками несправедливости могут быть дисбаланс вклада и отдачи при экономическом обмене, дискриминирующие и нечестные правила и процедуры, некоторые состояния физической среды (например, неисправность телефонного аппарата). Разрушение предметов выступает как ответное нарушение правил, а именно правила неприкосновенности собственности. В сущности, данная концепция трактует вандализм как месть за реальное или воображаемое нарушение правил.

Имеются опосредующие факторы, влияющие на способ преодоления несправедливости. Первичным модератором является уровень субъективного контроля личности, который понимается как степень убежденности в своей способности эффективно изменять результаты и обстановку [53]. Бэрон и Фишер полагают, что разрушение предметов как способ справиться с несправедливостью, возникает при низких или умеренных значениях уровня контроля личности. Индивиды с высоким уровнем контроля, скорее всего, предпринимают социально приемлемые, хотя и требующие больших психологических затрат, способы восстановления объективной справедливости обменов и отношений. Крайне низкий уровень контроля проявляется в беспомощности, депрессии и апатии. Именно индивиды с низким или умеренным уровнем контроля вероятнее всего могут использовать разрушение вещей как немедленный, легкий, анонимный способ достижения справедливости, добиваясь тем самым ее кратковременного «психологического» восстановления. Индивиды с относительно высоким уровнем контроля более избирательны в выборе мишеней для разрушения. В этом случае разрушительное поведение принимает инструментальную форму и выражается в тактическом и корыстном вандализме. При более низких уровнях контроля вероятен мстительный или злобный вандализм. Разрушения принимают форму внешне бессмысленных, рассредоточенных деструктивных действий.

Вторичные модераторы связаны с характеристиками окружающей физической среды и групповыми факторами. К числу первых относятся такие черты объекта, как его состояние, знаки принадлежности, а также символический смысл объекта. Групповые факторы действуют как со стороны жертв вандализма, так и со стороны группы вандалов. Так, сильная, сплоченная соседская община, скорее всего, меньше пострадает от разрушений, нежели те поселения, жители которых воспринимаются как разобщенные. Следующим модератором разрушительного поведения является групповое или индивидуальное его проявление. Наличие группы может как увеличить вероятность разрушений (в связи с процессами распространения девиантных стандартов поведения, диффузии ответственности), так и послужить сдерживающим фактором (если групповые нормы предусматривают осуждение подобного поведения).

Рассматриваемая модель включает в себя также следствия разрушительного поведения для субъекта и для общества в целом. Эти следствия могут заключаться в различных способах восстановления действительной или психологической справедливости и достижения контроля, а также в различных социальных реакциях и интерпретациях акта вандализма. Разные типы вандализма имеют неодинаковые результаты. Акты злобного и мстительного вандализма могут оказаться удовлетворительным способом восстановления внутреннего психологического равновесия для вандала. Однако, с точки зрения общества, они, вероятнее всего, окажутся понятыми как продукт большой психики или бессмысленные действия. Именно эти типы вандализма вызывают реакцию страха. Таким образом, мала вероятность и изменения источников несправедливости. Более того, возможности контроля для вандала окажутся суженными, так как последуют репрессивные меры и, вероятно, изоляция от общества. Что касается корыстного и идеологическо-

го/тактического вандализма, то эти формы поведения воспринимаются как относительно более легитимные, и требование справедливости распознается с большей вероятностью. Эти действия понятнее, и поэтому они вызывают меньше общественного страха. Следовательно, вероятнее и ответные изменения в структуре отношений, вызывающих несправедливость.

Бэрн и Фишер с сотрудниками получили эмпирическое подтверждение центрального положения своей модели на выборке студентов университета, проживавших в общежитии [55]. Они экспериментально показали, что именно сочетание субъективной несправедливости и низкого/умеренного контроля вызывает акты вандализма. Студенты с низким уровнем субъективной справедливости и контроля (то есть те, которые воспринимали обращение с ними как нечестное, но считали себя неспособными изменить ситуацию) показали более высокий уровень вандализма, чем студенты, имевшие другие комбинации этих характеристик. Уровень контроля предсказывал вандализм при наличии мотива несправедливости, однако при отсутствии такого мотива он не влиял на показатели вандализма. Кроме того, в этом исследовании было показано, что половые различия в уровне вандализма связаны с различиями в субъективной несправедливости и уровне контроля. Это можно считать дополнительным подтверждением гипотезы авторов. В ранее проведенном исследовании было обнаружено, что те испытуемые, для которых экспериментально была создана ситуация несправедливости в сочетании с низким контролем, произвели большее количество разрушений, чем те, кто в той же ситуации обладал большим контролем [56].

Д. Узингал подверг критике положение Бэрона и Фишера о том, что глубинным мотивом вандализма следует считать именно ощущение субъективной несправедливости [25]. По его мнению, как переживание несправедливости, так и разрушение предметов может быть вызвано недостатком контроля. Он полагает, что субъективный контроль личности является конструктом, обладающим большей объяснительной силой. Кроме того, Бэрн и Фишер не представили каких-либо эмпирических данных, подтверждающих, что вандализм действительно восстанавливает ощущение справедливости для индивидов, испытывающих недостаток контроля. Влияет ли интенсивность переживания несправедливости на количество и серьезность разрушений? Справедлива ли данная модель для особых видов вандализма, например нанесения рисунков и надписей? Как влияют факторы, описываемые данной моделью, на другие формы агрессивного поведения, в том числе противоправного? Ответы на эти вопросы остаются неясными.

Культурологические подходы

Влияние культурных факторов на разрушительное поведение мало исследовано. Нет и международных эмпирических сопоставлений. Тем не менее, некоторые авторы высказывают предположения о влиянии на явление вандализма культурных доминант. К. Ношис полагает, что уровень вандализма в стране зависит от характера ценностей, формирующих идентичность представителей данной культуры на протяжении многих веков [57]. Поэтому объяснение феномена вандализма может быть найдено в культурно-исторических особенностях страны. В этом смысле интересны страны, в

которых уровень вандализма традиционно низок. В частности, в Швейцарии по статистике меньше случаев разрушения общественной собственности, чем в других европейских странах. Ношис утверждает, что чистота и порядок стали главными ценностями, определяющими идентичность швейцарцев, поскольку для развития важных отраслей хозяйства – туризма и здравоохранения – было важно связать эти черты с образом страны. На укрепление этих ценностей сильное влияние оказала также разновидность протестантского движения, провозглашавшего равенство здоровья физического и морального и утверждавшего ценность каждодневного труда по поддержанию чистоты. Эта культурная идентичность, полагает Ношис, остается ненарушенной, и поэтому вандализм как поведение, несовместимое с традиционными ценностями, оказывается неприемлемым.

Аналогично рассуждает и Э. Роос, который связывает увеличение проявлений вандализма с изменениями в одной из важнейших подсистем традиционной системы ценностей. Он полагает, что рост подросткового вандализма в большинстве западных стран вызван глобальными изменениями в сфере трудовой этики [58]. На смену протестантской этике, которая утверждала, что человек обретает свою сущность в самоотверженном труде, пришла инструментальная этика, провозглашающая главной ценностью отдых и связанные с ним удовольствия и развлечения. Труд рассматривается только как средство, целью же является досуг. Результатом кризиса пуританской этики стало распространение гедонистических ценностей. Замечено, что главным мотивом подросткового вандализма является именно гедонизм. Все предметы, символизирующие мир взрослых – здания, сооружения и т.п., – воспринимаются как препятствия при получении удовольствий от жизни. Поэтому, как полагает Роос, акты вандализма следует понимать как разрушение источников запретов.

Искусственная среда как причина вандализма

Идея о том, что человеческое поведение во многом зависит от особенностей физической среды, лежит в основе подхода, наиболее радикальные представители которого утверждают, что главной и единственной причиной вандализма является неудачный архитектурный дизайн: люди склонны разрушать вещи, которые кажутся им физически или духовно угнетающими. Более умеренные представители данного направления полагают, что не все, но большинство случаев разрушений в той или иной степени объясняются характеристиками природной и искусственной среды [21]. Другие сторонники средового подхода утверждают, что количество совершенных преступлений, и вандализма в частности, зависит от того, насколько искусственная среда обеспечивает реальные возможности формального и неформального социального контроля и осознание наличия этого контроля потенциальными вандалами. При исследовании вандализма одни представители этого подхода концентрируют внимание на том, каким образом особенности пространства и дизайна воздействуют на возможность воспринимаемого и реального социального контроля над поведением. Другие обращают внимание на специфические детали предметов, подвергшихся разрушению и порче, полагая, что

они ослабляют внутренние механизмы сдерживания деструктивных действий.

Большинство разрушений происходят в тех местах, которые воспринимаются как недоступные для постороннего наблюдения. Уэбб провел интервью с 50 мальчиками 12-16 лет, которым предлагалось оценить вероятность разрушений в каждом из 12 мест, словесное описание которых включало различные комбинации следующих характеристик: открытость места для наблюдения со стороны жилых домов и с дороги, различные пути для возможного бегства – аллея, перегороженная высокой стеной, открытая дорога, боковые извилистые дорожки. Требовалось указать, могут ли в таком месте быть надписи на стенах, а также разбитые телефонные будки, фонари, заборы. Выявились два типа мест, полярных по оценке вероятности вандализма. Места, закрытые от постороннего наблюдения и со стороны жилых домов, и с дороги, с боковыми дорожками, оценивались в целом как наиболее уязвимые. Открытые для постороннего наблюдения места, где путь бегства блокирован стеной, расценивались как наименее уязвимые [59].

Д. Де Грюши и Д. Хэнсфорд изучали, какие экологические характеристики присущи торговым точкам, подвергшимся актам вандализма. Они обследовали 226 магазинов и выявили, что эти места подвергались нападению обычно ночью или в выходные дни, что пострадавшие здания несколько выделялись из общей массы домов, имели фасады с большим количеством стекла, были расположены в районах, близких к увеселительным заведениям, которые работали после наступления темноты [60].

Замечено, что появление первых, даже мелких и случайных разрушений или надписей и рисунков резко увеличивает вероятность последующих поломок и увеличения ущерба. Разрушенные объекты кажутся «ничейными», создавая тем самым дополнительный стимул для их поломки и облегчая нарушение социальных запретов. В исследованиях Д. Самдалл выявлялись факторы, влияющие на порчу зданий [25], оборудования в зонах отдыха [61]. Установлено, что наличие граффити, оставленных предыдущими посетителями, является главным фактором нанесения дальнейших повреждений исследуемым объектам.

Предотвращение и контроль вандализма

Вандализм влечет за собой серьезные финансовые, материальные и социальные издержки. Существуют две стратегии борьбы с этим социальным явлением. Первая делает акцент на устранении возможности разрушения. Вторая же связана с воздействием на установки и мотивы потенциальных вандалов.

Стратегия устранения возможностей проявляется в следующих способах (тактиках).

“Укрепление мишен”. Способ заключается в создании физических барьеров для разрушения за счет использования более прочных материалов и конструкций, уменьшении количества деталей, которые можно оторвать, отбить и т.п. Нужно стараться изменить конструкцию таким образом, чтобы ее разрушение доставляло наименьшее удовольствие. Так, например, для борьбы с рисунками и надписями рекомендуют делать поверхности сталь-

ными, ребристыми, шероховатыми, избегать контраста грунта и верхнего слоя. Возможно и полное устранение потенциальных объектов разрушения. Тактика “укрепления мишени” имеет существенные ограничения. Во-первых, ее реализация может оказаться слишком дорогостоящей, так как потребует использования не серийного, а специально созданного оборудования. Во-вторых, изменение дизайна в соответствии с этим способом трудно совместить с эстетическими требованиями, вплоть до того, что эстетика дизайна входит в противоречие с целями организации. Так, например, школа, оформленная в стиле “укрепления”, будет больше походить на тюрьму с минимумом необходимой мебели, стальными решетками и бетонными полами. В-третьих, укрепление конструкций и деталей может восприниматься как вызов и не снизит, а увеличит вероятность намеренных разрушений и поломок [19]. Если основным мотивом вандализма является поиск острых ощущений, связанных с опасностью и запретностью, то возможность наказания может только усилить притягательность такого поведения.

Оперативный ремонт. Как указывалось ранее, появление первых разрушений резко увеличивает вероятность дальнейшей порчи объекта. Поэтому следует быстро устранять дефекты как естественного происхождения, так и появившиеся по вине человека.

Ограничение доступа. Предлагается ограждать уязвимый объект от потенциальных разрушителей. Используются замки, ограды, заборы, решетки на окнах. Устраняются деревья, по которым можно забраться в окна здания. Уменьшается количество растительности, затрудняющей обзор и наблюдение за объектами, улучшается освещенность улиц и помещений.

Охрана и наблюдение. Данная тактика предусматривает как формальный контроль (сторожа, охранные патрули, сторожевые собаки, дежурства), так и облегчение возможности неформального контроля (прохожие, служащие учреждений). Практика показывает, что использование помещения школы во внеурочное время снижает вероятность вандализма.

Стратегия воздействия на мотивы и установки потенциального разрушителя проявляется в следующих способах.

Задержание, наказание, возмещение ущерба. В качестве наказания могут применяться штрафы, исключение из школы, уголовное преследование. Многие исследования показывают, что акцент на санкциях зачастую вызывает ответное увеличение вандализма и агрессии, активизируя ценности силы, протеста и вызова. Одновременное ограничение карательных мер и одобрение желаемых моделей поведения снижает вандализм [29].

Отвлечение. Перенесение возможных деструктивных действий в просоциальное русло. Например, создание специальных досок для надписей, привлечение рисовальщиков для оформления города и мест отдыха молодежи. Некоторые исследователи полагают, что снизить ущерб помогает более четкая локализация пространства для детских игр [62]. Важным способом уменьшения количества разрушений является информирование о возможностях альтернативных действий. Так, например, грубые удары по телефону, вызванные раздражением от поломки, можно предотвратить, указав адрес организации, куда можно сообщить о неисправности [63].

Воспитание. Осознание просоциальных норм поведения или изменение уже сложившихся деструктивных мотивов и установок. Первое подразумевает информирование потенциального вандала относительно стоимости и последствий разрушительных действий. Эти меры способствуют возникновению чувства социальной ответственности. Г. Стоэп и Д. Граманн установили, что предварительная беседа с группой школьников, в которой разъяснялись правила поведения в парке, уменьшила число нежелательных действий на 88% по сравнению с контрольной группой [22]. М. Гоук и М. Мерфин сообщают, что размещение в библиотеке объявлений, предупреждающих о невозможности замены вырванных страниц, сократило порчу журналов на 23% [64]. Другое направление подобных программ связано с воспитанием чувства причастности к потенциальным объектам вандализма. Это участие в принятии решений, сотрудничество с администрацией, самостоятельный ремонт зданий школы и игровых площадок.

Какова эффективность уже реализованных программ? По данным Д. Ван Влаета, из 14 программ, направленных на предотвращение и контроль вандализма в 1973-1982 гг. в США и Англии, только 5 имели какой-либо положительный результат. Остальные не увенчались успехом или об их результатах не сообщалось [38]. Исследования эффективности внедряемых программ контроля и снижения вандализма – область слаборазработанная [19]. Ей недостает теоретической обоснованности и методической точности. Оценка эффекта происходит односторонне, не учитываются прямые и косвенные последствия программ. Поэтому исследования их эффективности можно считать одним из приоритетных направлений в изучении вандализма.

Несмотря на выраженный интерес к данной проблеме среди социальных психологов и социологов, крупных теоретических достижений здесь не наблюдается. Ни исследования агрессии, ни криминологические, ни работы в области девиантного поведения не привели к каким-либо развернутым концепциям вандализма, сопровождающимся последовательной эмпирической проверкой [19]. Немногочисленные концепции были разработаны в 1970-1980-х гг. и с тех пор не получили развития и уточнения. Требуется разработки само понятие вандализма. Главную трудность здесь представляет различение намеренных и ненамеренных разрушений. Это разделение определяет выбор способов борьбы с вандализмом. В первом случае акцент должен быть сделан на изменении мотивов поведения, во втором – на усвоении правил поведения и изменении дизайна потенциальных объектов разрушения.

Обычно вандализм рассматривается как разновидность подростковой деликвентности. Этот подход не объясняет всех форм данного явления. Создание целостного образа данного феномена требует более широких обобщений и междисциплинарных исследований. Усиление вандализма обычно рассматривается как симптом кризиса нравственности. Конкретные морально-психологические механизмы совершения разрушений и та особая структура этических представлений личности, которая к ним приводит, могли бы стать предметом эмпирического изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седнев В.* Надписи и рисунки в общественном транспорте // Философская и социологическая мысль. 1993. № 1.
2. *Скороходова А.С.* Граффити: значение, мотивы, восприятие // Психологический журнал. 1998. № 1.
3. *Руденко В.Н.* Политическое граффити // Социологические исследования. 1997. № 10.
4. *Борисов Ю.* Механизм “гедонистического риска” и его роль в отклоняющемся поведении молодежи // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 3.
5. Прокопия Кесарийского история войн римлян с вандалами // Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами, вандалами и готфами. СПб: [б. и.], 1891.
6. Encyclopaedia universalis. Thesaurus-index. France S.A.
7. *Reau L.* Les monuments detruits de l’art francais. T. 1. Paris: Hachette, 1959.
8. Grand dictionnaire universel du XIX siecle. Paris: Larousse. V. 15.
9. Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1971.
10. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989.
11. Словарь современного русского литературного языка в 20 томах. Т. 2. М.: Русский язык, 1991.
12. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988.
13. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка Т. 1. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
14. Grand larousse encyclopedique T. 10. Paris: Librairie Larousse, 1964.
15. The Merriam-Webster dictionary. New York: Pocket Books, 1974.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд. М.: Инфра; М-Норма, 1997.
17. *Kube E., Shuster L.* Le vandalisme en milieu urbain // Revue Internationale de Criminologie et de Police Technique. 1985. No. 2.
18. *Hauber A.R.* A dutch perspective on some of the effects of alternative sanctions // Crime, Law and Social Change. 1991. No. 15.
19. *Goldstein A.* The psychology of vandalism. New York: Plenum Press, 1996.
20. *Cohen S.* Destruction of property: Motives and meanings // Vandalism / Ed. by C. Ward. London: The Architectural Press, 1973.
21. *Wise J.* A gentle deterrent to vandalism // Psychology Today. 1982. V. 16. No. 9.
22. *Stoep G., Gramann J.* The effect of verbal appeals and incentives on depreciative behavior among youthful park visitors // Journal of Leisure Research. 1987. No. 19.
23. U.S. Bureau Census: Statistical Abstract of the United States. 1997. 117-th ed. Washington: DC, 1997.
24. *Donnermeyer J.F., Phillips G.H.* Vandals and vandalism in the USA // Vandalism: Behavior and motivation / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.

25. *Wiesenthal D.L.* Psychological aspects of vandalism // *European Perspectives in Psychology* / Ed. by P. Drenth, et al. 1990. No. 3.
26. *Selosse J.* Vandalism: Speech acts // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
27. *Cordess C., Turcan M.* Art vandalism // *British Journal of Criminology*. 1993. V. 33. No. 1.
28. *Abel E.L., Buckley B.E.* The handwriting on the wall: Toward a sociology and psychology of graffiti. Westport: Greenwood Press, 1977.
29. *Brewer D.D., Miller M.L.* Bombing and burning: The social organization and values of hip hop graffiti writers and implications for policy // *Deviant Behavior*. 1990. V. 11. No. 4.
30. *Невское время*. 1992. № 35.
31. *Аргументы и факты*. 1992. № 46-47.
32. *Reade E.* Household movement and social control // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
33. *Howard J. L.* Factors in school vandalism // *Journal of Research and Development in Education*. 1978. V. 11. No. 2.
34. *Francis D.B.* Vandalism – the crime of immaturity. Dutton, 1983.
35. *Richards P.* Middle-class vandalism and age-status conflict // *Social Problems*. 1979. V. 26. No. 4.
36. *Tygart C.* Public school vandalism: Toward a synthesis of theories and transition to paradigm analysis // *Adolescence*. 1988. V. XXIII. No. 89. Spring.
37. *Mawby R.I.* Perception of vandalism in residential areas // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
38. *Vliet V. van* Vandalism: An assessment and agenda // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
39. *Elliott D.* et al. Multiple problem youth. New York: Springer-Verlag, 1988.
40. *Le Blanc M., Freshette M.* Male criminal activity from childhood through youth. New York: Springer-Verlag, 1988.
41. *Shannon L.W.* The role of vandalism in delinquent careers // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
42. *Платонов О.* Путешествие в Китеж-град // *Вестник Московского университета*. 1989. № 2.
43. *Сологуб Ф.* Мелкий бес // *Сологуб Ф. Свет и тени: Избр. проза*. Минск: Мастацкая літаратура, 1988.
44. *Canter D.* Vandalism: Overview and prospect // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
45. *Меликьянц Г.* Терракт против картины с применением химического оружия // *Известия*. 1997. 25 марта.

46. *Allen V., Greenberger D.* An aesthetic theory of vandalism // *Crime and Delinquency*. 1978. July.
47. *Allen V.* Toward an understanding of the hedonic component of vandalism // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
48. *Allen V., Greenberger D.B.* Destruction and complexity: An application of aesthetic theory // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1980. V. 6.
49. *Allen V., Greenberger D.B.* Enjoyment of destruction: The role of uncertainty // *Journal of Nonverbal Behavior*. 1979. V. 4. No. 2.
50. *Rubak R. B., Patnaik R.* Crowding, perceived control, and the destruction of property // *Psychological Studies*. 1989. V. 34. No. 1.
51. *Schwartz M.J., Dovidio J.F.* Reading between the lines: Personality correlates of graffiti writing. // *Perception & Motor Skills*. 1984. V. 59.
52. *Sommer R.* Crime and vandalism in university residence halls // *Journal of Environmental Psychology*. 1987. V. 7. No. 1.
53. *Fisher J.D., Baron R.M.* An equity-based model of vandalism // *Population and Environment*. 1982. V. 5. No. 3.
54. *Baron R.M., Fisher J.D.* The equity-control model of vandalism: A refinement // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
55. *De More S., Fisher J.D., Baron R.M.* The equity-control model as a predictor of vandalism among college students // *Journal of Applied Social Psychology*. 1988. V. 18. No. 1.
56. *Cassady L.* Testing an equity-control model of vandalism: Unpubl. master's thesis. University of Connecticut, Storrs, CT // [Citation] De More S., Fisher J.D., Baron R.M. The equity-control model as a predictor of vandalism among college students // *Journal of Applied Social Psychology*. 1988. V. 18. No. 1.
57. *Noschis K.* Countries without vandalism // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
58. *Roos H.E.* Vandalism as a symbolic act in "Free Zones" // Paper presented to the International symposium on vandalism, Seattle, 1988 (20-22 Apr), US Forest Service.
59. *Webb B.* Is there place for vandalism? // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.
60. *De Gruchy G. F., Hansford G.J.* An environmental and architectural investigation of the crimes of burglary and vandalism in 4 commercial subcenters in Brisbane // *Man-Environment Systems*. 1980. V. 10.
61. *Samhdall D.M., Christensen, H.H.* Environmental cues and vandalism // Goldstein A. *The psychology of vandalism*. New York: Plenum Press, 1996.
62. *White D.* Vandalism and theft in schools: How local authorities can defend themselves // Sykes J. *Designing against vandalism*. New York: 1980.
63. *Moser G.* Everyday vandalism // *Vandalism: Behavior and motivation* / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam: Hoth-Holland, 1983.

64. *Gouke M.N., Murfin M.* Periodical mutilation: The insidious disease // *Library Journal.* 1980. V. 15.